

- Junco 2014** – Junco J.A. Las deformaciones de la memoria // El Pais. 2014.
URL: https://elpais.com/elpais/2014/12/03/opinion/1417620379_683896.html (дата обращения: 29.09.18).
- Juretschke 1962** – Juretschke H. Los afrancesados en la guerra de Independencia. Su genesis, desarrollo y consecuencias historicas. Madrid: Rialp, 1962. 285 p.
- La Forest 1905** – Correspondance du Comte de La Forest, ambassadeur de France en Espagne 1808-1813, en 7 vol. P. : Alphonse Picard et Fils, 1905. Vol. I. 456 p.
- La Parra 2008** – La Parra E. Fernando VII : impulso y freno a la sublevación contra Napoléon // Mélanges de la Casa de Velázquez. 2008. № 38-1. P. 33-52.
- Luis 2012** – Luis J-Ph. El afrancesamiento, una cuestión abierta // Ayer. 2012. № 86: La Guerra de la Independencia. P. 89-109.
- Mémoires et correspondancedu roi Joseph 1855** – Mémoires et correspondance politique et militaire du roi Joseph, publiés, annotés et mis en ordre. En 10 vol. P.: Perrotin, 1855. Vol. IV. 512 p.
- Roederer 1909** – Journal du Comte P.L. Roederer; notes intimes et politiques d'un familiar des Tuileries. P.: Daragon, 1909. 394 p.
- Morange 2005** – Morange C. ¿Afrancesados o Josefinos? // Spagna contemporanea. 2005. № 27. P. 27-54.

УДК 94(47)"1837/1839":94(44)"1837/1839"

DOI 10.26170/vvi19-01-03

Код ВАК 07.00.03

В.Н. Земцов*

25-Я ГОДОВЩИНА БОЛЬШОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ 1812 – 1814 ГОДОВ: ФОРМИРОВАНИЕ ДВУХ ТРАДИЦИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ*

Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

Vladimir N. Zemtsov, Dr. of History, Professor of the Chair of Modern and Current History of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltzin; Professor, the Head of the Department of General History of Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru.

© Земцов В. Н., 2019

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

Статья посвящена первому этапу трансформации коммуникативной памяти о событиях большой европейской войны 1812-1814 гг. в культурную память во Франции и России в период 1837-1839 гг. Автор предпринимает попытку сопоставления целей, механизмов и результатов подобной трансформации, а также роли в ней государственных структур. Сделан вывод о том, что 25-я годовщина событий 1812-1814 гг. стала важной вехой конденсации памяти о событиях этой войны. Французский вариант продемонстрировал тип «памяти-поражения», характеризовавшийся трагически-болезненным восприятием исторических событий. Российский вариант, напротив, явил собою «память-славу», и стал активно эксплуатироваться властью. Этот вариант в большей степени, чем «память-поражение», продемонстрировал податливость к подтасовке и мифологизации исторического прошлого.

Ключевые слова: историческая память, военная история, история России, история Франции, большая европейская война, культурная память.

Vladimir N. Zemtsov

THE 25TH ANNIVERSARY OF THE GREAT EUROPEAN WAR OF 1812-1814: FORMATION OF TWO TRADITIONS OF NATIONAL MEMORY

The article is devoted to the first stage of the transformation of the communicative memory of the events of the great European war of 1812-1814 in cultural memory in France and Russia in the period 1837-1839. The author attempts to compare the goals, mechanisms and results of such transformation, as well as the role of state structures in this. It is concluded that the 25th anniversary of the events of 1812-1814 became an important milestone in condensation of the memory of the events of this war. The French version demonstrated the type of “memory-defeat”, characterized by a tragic and painful perception of historical events. The Russian version, on the contrary, showed “memory-glory” and began to be actively exploited by the authorities. This option to a greater extent than the “memory-defeat”, demonstrated compliance to the fraud and the mythologization of the historical past.

Keywords: historical memory, military history, history of Russia, history of France, the great European war, cultural memory.

Историческая память о событиях 1812-1814 гг. является важной составляющей национальной идентичности россиян. Значительное, хотя и менее заметное место, события 1812-1814 гг. занимают в реестре выдающихся событий прошлого в сознании французов. Важной, а до некоторой степени первой, заметной вехой формирования двух национальных традиций восприятия событий конца наполеоновских войн, стала их 25-я годовщина.

К сюжетам, связанным с празднованием в России четвертьвековой годовщины войн 1812-1814 гг. не раз обращались отечественные авторы [Болдина 1997; Горбунов 2012; Секиринский 2012; Ульянова 2013; Ермакова, 2015]. Значительно менее исследовано формирование

французской исторической традиции [Kern 2014; Мильчина 2017]. В нашей публикации мы попытаемся рассмотреть эту проблематику в плане сопоставления особенностей формирования в 1834-1839 гг. этих двух национальных традиций.

Начнем с французской традиции. 30-е гг. XIX в. стали во Франции временем превращения живой, коммуникативной памяти о конце наполеоновской эпохи в память национальную, историческую, в память культурную. Если в предыдущее десятилетие события недавнего прошлого еще только начинали становиться историей, и виртуальные сражения на страницах публикаций оказывались своего рода продолжением боев участников великих событий, судьбы которых по-разному сложились в эпоху Реставрации (единственным исключением, на наш взгляд, был труд Ж. Шамбрэ [Chambrey 1823], который преследовал чисто практическую задачу извлечь опыт военных действий для нужд Военного министерства), то в 30-е гг. ситуация изменилась. Не только многие ветераны наполеоновских войн стали один за другим уходить из жизни, но и государственная власть стала искать возможности воспользоваться «историческим капиталом» в целях консолидации разношерстного общества времен Июльской монархии.

В течение всех 1830-х, да и в первой половине 1840-х гг., не вышло ни одного заметного исторического исследования, посвященного не только тяжелым для Франции годам поражений 1812-1814 гг., но и всей наполеоновской эпохе. Однако отсутствие глубоких исследовательских работ активно компенсировалось иными, более популярными жанрами репрезентации исторического прошлого. Так, художники, литографы и граверы Н. Т. Шарле⁶ и Д. О. М. Раффе⁷ стали создавать романтизированный и героический образ эпохи. Они чувствовали, что не только и не столько победы ушедших в прошлое событий были нужны публике и власти, но и, в большей степени, героика поражений, пришедшихся на период 1812-1815 гг. На полотне Шарле, выставленном в салоне 1836 г., растянувшаяся колонна измученных французских солдат, продирающихся сквозь снега, нагромождения трупов, брошенных пушек и телег, продолжают бороться не только за свою жизнь, но и честь. В одиночную фигуру, упавшую на колени и поднявшую руки перед неприятелем, кто-то из колонны сразу же наводит ружье, намереваясь застрелить труса⁸. Не менее впечатляю-

⁶ Шарле Никола Тучсен (1792-1845), ученик А.Ж. Гро, в 1814 г. служил в Национальной гвардии. В 1836 г. представил публике полотно «Эпизод из наполеоновского похода в Россию».

⁷ Раффе Денни Огюст Мари (1804-1860) выполнил целую серию работ – «Сражение при Люцене», «Сражение при Ватерлоо», «Большой смотр», «Эпизод отступления из России», «Русская кампания», «Переход через Неман», «Маршал Ней в бою у Ковно, 12 декабря 1812 года» и др., расходившихся через литографии в тысячах экземпляров.

⁸ Сегодня это полотно находится в Музее изящных искусств в Лионе.

щими были сюжеты, предложенные Раффе, а также О. Верне⁹, впрочем, большей частью исполненные еще в 1820-е, но активно тиражировавшиеся в 1830-е гг.

Однако самыми значительными событиями во Франции, связанными с 25-летием войн 1812-1814 гг., стало открытие в 1836 г. знаменитой Триумфальной арки в Париже, заложенной еще в 1806 г., и демонстрация в 1835-1839 гг. в здании-ротонде в парижском квартале Марэ панорамы «Битва при Москве-реке» Ж.Ш. Ланглуа.

Начиная с 19 июля 1835 г., когда панорама Ланглуа была открыта, и до января 1839 г. ее посетило 53 тыс. человек. Помимо королеванных особ (в том числе, Луи-Филиппа и членов его семьи, короля и королевы Бельгии и др.), было немало и ветеранов Русской кампании (в том числе знаменитый Д.Ж. Ларрей, главный хирург Великой армии). Отзывы были восторженными.

Приглядимся к этому полотну и к его создателю внимательнее. Жан Шарль Ланглуа (1789-1870), участник наполеоновских войн [см.: Bourseul 1874; Pinet 1910; Robichon 1983; Robichon 2000; Jean-Charles Langlois 2005], оказывается в России только в ноябре 1833 г., будучи прикомандированным в чине шефа эскадрона Главного штаба к маршалу Н.Ж. Мезону, ветерану русского похода 1812 г., а теперь послу в Санкт-Петербурге. Об этой странице жизни Ланглуа известно не так много, в особенности о том, какова была его главная цель пребывания в стране. По всей видимости, он должен был, прежде всего, собирать информацию разведывательного характера. И талант художника, соединенный с опытом службы штабиста, как нельзя лучше помогал выполнению главной задачи. Ланглуа написал несколько портретов русской знати, добился благосклонности императорской фамилии, сам Николай I, осыпав милостями, предложил ему стать его адъютантом.

Когда именно у Ланглуа зародилась идея создания панорамы «Битва при Москве-реке», сказать трудно. Нам думается, что эта идея пришла к Ланглуа еще до приезда в Россию. Многочисленные рассказы сослуживцев о небывалой эпопее русского похода, участие в нем его собственных покровителей – Гувьон Сен-Сира и Мезона, неоднократно уже прежде обращение художника к теме войны в России, наконец, первые успехи в создании батальной панорамы – все это должно было пробудить в Ланглуа, одаренном увлекающейся, дерзкой и одновременно практичной натурой, идею создания чего-то грандиозного на тему Русской кампании Наполеона. Поэтому, оказавшись в России, он решил максимально использовать открывшиеся перед ним возможности. Более месяца Ланглуа ходил и ползал по оврагам и перелескам Бородинского поля, взбирался на холмы и делал зарисовки.

⁹ Верне Орас (1789-1863), автор известных полотен «Сражение при Монмирайе 11 февраля 1814 г.» (1822 г.) и «Сражение при Ханану 30 октября 1813 г.» (1824 г.).

Обращаясь к авторам, которые сами видели сражение, а также к документам (прежде всего, к знаменитому 18-му бюллетеню Великой армии, написанному под диктовку Наполеона в Можайске 10 сентября 1812 г.), Ланглуа попытался «вписать» события битвы 26 августа (7 сентября) 1812 г. в реальную местность. «Он провел целый год в России, изучая место сражения под Москвой, позиции наших и вражеских войск, здешний ландшафт, землю и небо», – написала французская газета “L’Artiste” в день открытия панорамы [Цит. по: Робишон 2002].

Жизнь панорам в XIX в. была недолгой. В январе 1839 г. панорама была закрыта для публики из-за повреждений, и огромное полотно размером 110 на 12 м было передано в Версальский дворец. До наших дней оно не сохранилось. К счастью, остался макет панорамы, состоящий из 6 панно (5 из них были созданы, по-видимому, в 1835 г., одно – в 1838 г.), представляющих собой единое целое общим размером 0,745 м на 6,950 м. По всей видимости, это был окончательный эскиз к будущей панораме, несколько переработанный в дальнейшем для выставки 1839 г. Написанный маслом на холсте, он до 1907 г. хранился в Версальском дворце, а затем поступил в Музей Армии. Долгие годы пролежавший в фондах, он был несколько лет назад размещен в основной экспозиции Музея Армии, благодаря чему у нас появилась возможность его увидеть и изучить. Когда в один из майских дней 2012 г. мы пришли ради этого в Музей Армии, то стали свидетелями любопытной сцены. Перед эскизом панорамы русскоговорящая женщина-экскурсовод решительно остановила группу российских туристов. Полным неподдельного гнева голосом она заклемила Ланглуа, а вместе с ним и всю французскую нацию в бессовестном искажении исторической правды. «Где здесь батарея Раевского? Где здесь село Бородино? Где здесь Багратионовы флеши?» – восклицала она в ярости, предлагая туристам разделить с нею праведный гнев. После ухода туристов мы сделали десятка два снимков с эскиза Ланглуа и начали спокойно изучать французскую панораму. Без труда мы нашли на полотне все три объекта – батарею Раевского, село Бородино и Багратионовы «флеши». Более того, французская панорама вызвала многочисленные аллюзии с хорошо известным российским батальным шедевром – панорамой «Бородинская битва» Ф. А. Рубо, созданной к 100-летней годовщине Отечественной войны 1812 года. Эти очевидные параллели заставили нас решиться провести своего рода экспертизу изображенных на панораме Ланглуа событий, как с точки зрения ее соответствия установленным наукой историческим реалиям, так и с точки зрения обстоятельств ее создания. Результаты этих исследований были нами в свое время опубликованы [Земцов 2013; Земцов 2014]. Мы пришли к выводу, что Ланглуа, несмотря на вполне допустимые для художественного произведения вольности, представил достаточно реалистичную и исторически правдивую картину «битвы

при Москве-реке». Будучи профессиональным военным, пройдя огонь наполеоновских битв, детально изучив поле Бородинского сражения (он это сделал спустя чуть более десятилетия после битвы), Ланглуа создал эмоционально насыщенное и исторически правдивое полотно, отразившее не только героико, прежде всего, французского солдата, но и весь трагизм войны как таковой.

В те же, 30-е гг. XIX в., два известных француза – посол в Санкт-Петербурге маршал Н.Ж. Мезон и ставший позже не менее знаменитым А. де Кюстин, стали свидетелями и, до известной степени, участниками торжеств в России, связанных с празднованием 25-летия войн 1812-1814 гг.

Еще ранее, в сентябре 1834 г., сообщая в Париж об открытии в Москве Триумфальных ворот, Мезон нашел, что они воздвигнуты «в память о наших бедствиях и о поре, для Франции столь мучительной», и что все это сопровождается «малопристойными манифестациями» [Мильчина 2017: 180]. Через два года, в августе 1834 г., состоялось освящение Александровской колонны, что было фактически приурочено к 20-летию взятия Парижа. Освящение колонны, в особенности приглашение на этот акт пруссаков-участников боевых действий во Франции в 1814-1815 гг., Мезон воспринял как событие для французов оскорбительное, в любом случае, вызывающее исключительно горестные чувства. Посол категорически отказался участвовать в освящении колонны, заявив российскому министру иностранных дел К. В. Нессельроде, что «манифестация для нас оскорбительная» [Там же: 205-211]. Мезон, повествуя об этом, не преминул подчеркнуть контраст между тем, как к памяти о событиях 1812-1814 гг. обращался Александр I, старавшийся не затрагивать национальных чувств французов, и как это делает его брат император Николай I, исходивший исключительно из стремления подчеркнуть торжество русского оружия над неприятелем.

Очевидно, что антифранцузскую подоплеку русских празднеств, связанных с годовщиной войн 1812-1814 гг., ощущал не только один Мезон, но и многие его соплеменники. Так, в газете «Конституционный» в номере за 22 ноября 1837 г. со ссылкой на русские издания «Северная почта» и «Отечественные ведомости» сообщалось о двух празднествах. Первое состоялось 2 октября в Москве, где впервые, согласно указу правительства, решили отметить отступление французской армии из России (имелось в виду 25-летие оставление Наполеоном первопрестольной). Был собран московский гарнизон («в большой форме») и при оружии, жители Москвы и близлежащих селений; архиепископ московский и коломенский Филарет отслужил службу в Успенском соборе и возглавил церковную процессию. После религиозной церемонии состоялось народное гуляние, расходы на устройство которого взяло на себя правительство. Второе празднество имело место в Новочеркасске в честь вел. кн. Александра Николаевича, наслед-

ника престола, который был провозглашен атаманом казачьих войск и командиром Атаманского казачьего полка. После религиозной церемонии также состоялось народное гуляние, во время которого опустошались стаканы в память о храбром атамане М. И. Платове, одержавшем многие столь памятные для русских победы. Эти сообщения завершались следующей сентенцией: «Подобными торжествами самодержавное правительство стремится возбудить в полудивилизованном народе (les peuples à demi-civilisés), повинующемуся его скипетру, каковы те дружеские чувства, которые царь-деспот (le czar despote) питает к либеральной и прогрессивной Июльской монархии» [Le Constitutionnel. 1837; Мильчина 2017: 223].

Пиком торжеств, ознаменовавших 25-летие событий 1812-1814 гг., стали празднества на Бородинском поле 1839 г. Астольф де Кюстин, пребывавший тогда в России и настоятельно приглашавшийся Николаем I на Бородинские торжества, предпочел отказаться от подобной милости, но наблюдал их «со стороны». «Ненужным торжеством» и «потешной войной», призванными «единственно распалить национальную гордость русских за счет бедствий нашей страны», назвал он то, что происходило на Бородинском поле в августе 1839 г. [Кюстин 1996: 325] «В тот момент сражения, когда французы, громимые огнем русской артиллерии, бросаются на разящие их батареи, дабы, как вам известно, – писал де Кюстин, – смело и удачно захватить неприятельские пушки, император Николай, вместо того чтоб дать им выполнить сей знаменитый маневр, который справедливости ради должен он был допустить, а ради собственного достоинства – сам командовать, – император Николай, лстя ничтожнейшим своим подданным, заставил отступить на три лье тот корпус нашей армии, которому мы в действительности обязаны были поражением русских, победным маршем на Москву и ее взятием. Судите же сами, как я благодарю Бога, что мне хватило ума отказаться присутствовать при подобной лживой пантомиме!..» [Там же: 328].

Справедливости ради следует сказать, что вопреки предположениям де Кюстина, «военная пантомима», разыгранная в 1839 г. на Бородинском поле, все же не вызвала в Европе какого-либо заметного возмущения. Во Франции также не стали раздувать по этому поводу скандал. В любом случае, очевидно, что французы, не принимая российского торжественно-героического восприятия событий 25-летней давности, предпочли иной, более камерный, проникнутый трагизмом человеческой судьбы и трагизмом целых народов, образ последних лет наполеоновской эпохи.

Как складывалась русская традиция национальной памяти в 30-е гг. XIX в.? Еще в 1832 г., к 20-летию войны 1812 г., на Дворцовой площади в Петербурге была воздвигнута Александровская колонна, а в 1834 г., к 20-летней годовщины победы в 1814 г., появились Московские

триумфальные ворота. Но пиком, конечно же, должны были стать торжества 1839 г. Император Николай I и правительственный лагерь постарались придать этим торжествам особую окраску, превратив эпопею 1812-1814 гг. в символ торжества самодержавно-патриархальных сил над идеей западного либерализма и космополитизма. Идейную и историческую основу для этого должен был заложить труд А. И. Михайловского-Данилевского [Михайловский-Данилевский 1839. См. также: Михайловский-Данилевский 1836; Михайловский-Данилевский 1845-1849]. Начав работу над этим трудом в середине 1830-х гг., автор был допущен к секретным бумагам аракчеевского архива. Работая при непосредственном участии Николая I, Михайловский-Данилевский в январе 1838 г. представил ему рукопись книги. Хорошо известна запись Михайловского-Данилевского, сделанная им 11 (23) февраля 1838 г.: «Сегодняшнюю ночь провел я ужасно, сердце билось, голова горела, мне все чудилось, что мною будут недовольны, что молчание государя на бале гр. Воронцова есть тому непреложное доказательство. Я в такой грусти, что ни за что не могу приняться, решительно убит духом» [Цит. по: Шеин 2013: 98]. После одобрения Николаем I книга все равно прошла еще через сито многослойной цензуры [Тартаковский 1980]. Идея о единстве народа и самодержавия, псевдо-патриотический, высокопарный стиль в отношении русских, уничижительные реплики в отношении противника – все это присутствовало в труде Михайловского-Данилевского, определившего на десятилетия, а в ряде случаев, и на столетия, основу русской национальной традиции восприятия войн 1812-1814 гг. Так, хорошо известно, что Л. Н. Толстой, работая над романом «Война и мир», всем остальным исследованиям предпочел книгу именно Михайловского-Данилевского, называя ее «беспристрастной и совершенной» [Зайденшур 1966; Толстой 1955]. Помимо работы Михайловского-Данилевского, в 1839 г. было переиздано сочинение К. Ф. Толя, изданы книги Н. Д. Неелова и Ф. Н. Глинки [Толь 1839; Неелов 1839; Глинка 1839], выдержанные в подобном работе Михайловского-Данилевского духе.

Однако закрепление принципиальных основ подобной традиции происходило чаще всего, конечно же, через публичные правительственные мероприятия, разнообразные публикации в прессе, через издание эстампов и литографий и через «народные гуляния». Двумя главными событиями в череде государственных мероприятий стали большие маневры («высочайший смотр») на Бородинском поле и закладка в Москве Храма Христа Спасителя.

Для участия в маневрах, в ходе которых должно было состояться и открытие памятника на батарее Раевского, было собрано до 120 тыс. (по другим сведениям, до 150 тыс.) войска, которому предстояло разыграть «подобие Бородинского сражения». Несмотря на то, что ряд представителей иностранных держав был приглашен специ-

ально, была вместе с тем составлена инструкция, согласно которой далеко не всем иностранцам, пожелавшим посетить Бородинское поле в августе 1839 г., дозволялось это сделать [О дозволении 1900].

26 августа 1839 г., за три дня до больших маневров, на Курганной высоте, рядом с могилой П.И. Багратиона, останки которого были перенесены туда в июле того же года, был открыт и освящен огромный в 27,5 м чугунный монумент, увенчанный сияющими золотом главой и крестом. На гранях памятника были помещены надписи о численности сражавшихся на поле армий (при этом численность армии Наполеона была явно завышена) и тексты об отступлении русской армии к Москве, последующем вхождении французов в первопрестольную и вступлении русских войск в Париж. Построение 120-тысячных войск, раскатистое ура, крестный ход во главе с московским митрополитом Филаретом, торжественный молебен – все это запечатлелось как в памяти участников торжеств, так и вошло в национальную память россиян.

Не менее сильное впечатление произвели разыгранные 29 августа 1839 г. сцены самого Бородинского сражения. Однако... В этом спектакле не было «неприятеля»: русские войска изображали только самих себя, распугивая, как говорили очевидцы, только местных зайцев. Более того, Николай I, наблюдавший за действием с того самого холма, где был Наполеон во время боя, не довольствуясь «обороной» русских, неожиданно для всех приказал «перейти в общее наступление». Все оставленные ранее укрепления, и даже село Бородино, были вновь взяты русскими. Государь лично повел кавалерию, изображавшую конницу Уварова и Платова, в тылы «неприятеля», отрезая ему путь отступления! По окончании «сражения» Николай I собрал всех начальников и, делая им различные замечания, сказал, обращаясь к ветеранам, участникам реального сражения 26 августа 1812 г., А. П. Ермолову, К. Ф. Толю и другим: «Не находите ли вы, что если бы фельдмаршал Кутузов действовал так, как мы сегодня, то последствия сражения были бы иные?» А. В. Веригин, подполковник Генерального штаба, участвовавший в организации мероприятий на Бородинском поле, вспоминал, что «общее молчание было ответом на слова государя, хотя по выражению вопрошенных лиц легко было угадать их отрицательное мнение. Из окружающей же толпы в свите государя послышался один голос, достаточно внятно произнесший:

– Да государь забывает, что сегодня не было ни ядер, ни пуль и главное, что не было против него Наполеона.

Правда эта вырвалась из уст генерала Давыдова¹⁰, стоявшего вдалеке и не думавшего, конечно, быть услышанным государем» [Веригин 1885].

¹⁰ Давыдов Е. В. (1786-1842), генерал-майор, участник наполеоновских войн, младший брат Д. В. Давыдова.

После окончания бородинских торжеств войска с Бородинского поля двинулись в Москву для участия в церемонии закладки Храма Христа Спасителя. На самом поле остался монумент, полумифические надписи на котором должны были закрепить «новую память» о Бородинском сражении.

Таким образом, 25-я годовщина войны 1812-1814 гг. стала важной вехой конденсации памяти о событиях относительно недавнего прошлого. Французский вариант преобразования памяти коммуникативной в память культурную продемонстрировал тип «памяти-поражения», характеризовавшийся трагически-болезненным восприятием исторических событий. Вариант российский был ему прямой противоположностью: то была «память-слава», активно эксплуатировавшаяся властью, и в большей степени, чем «память-поражение», проявлявшая склонность к подтасовке и мифологизации исторического прошлого.

Список источников и литературы

- Болдина 1997** – Болдина Е. Г. Из истории Бородинских торжеств 1839 г. (по документам Центрального исторического архива Москвы) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы IV и V Всероссийской научной конференции. Бородино, 1995-1996 гг. Бородино, 1997. С. 190-197.
- Веригин 1885** – Веригин А. И. Открытие памятника на Бородинском поле в 1839 г. Из воспоминаний офицера Генерального штаба // Русская старина. 1885. Вып. 4. С. 135.
- Горбунов 2012** – Горбунов А. В. Бородинские торжества 1839 и 1912 гг. как образцы празднования исторических юбилеев в Российской империи // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XVII международной научной конференции. Можайск, 5-7 сентября 2011 г. Можайск, 2012. С. 153-161.
- Глинка 1839** – Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения. М., 1839.
- Ермакова 2015** – Ермакова Н. В. 25-я годовщина окончания кампаний 1812-1814 гг. в публикациях 1839 г. // Бородино и освободительный поход русской армии 1813-1814 гг.: материалы международной конференции. Бородино, 3-6 сентября 2014 г. Бородино, 2015. С. 46-61.
- Зайденшнур 1966** – Зайденшнур Э. Е. «Война и мир» Л.Н. Толстого. М., 1966. С. 7-8, 346.
- Земцов 2013** – Земцов В. Н. Ж.-Ш. Ланглуа и его панорама «Битва при Москве-реке» // Электронный научно-образовательный журнал История. 2013. № 1 (17).

- Земцов 2014** – Земцов В. Н. Панорама Ж.Ш. Ланглуа «Битва при Москве-реке»: Бородино глазами французов // Эпоха наполеоновских войн, люди, события, идеи. Материалы XII международной научной конференции. Москва, 25 апреля 2013 г. М.: Изд-во ГБУ «ЦГА Москвы», 2014. С. 15-32.
- Кюстин 1996** – по Кюстин А., де. Россия в 1839 году. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. Т. 2.
- Мильчина 2017** – Мильчина В. А. Французы «полезные» и «вредные»: надзор за иностранцами в России при Николае I. М.: НЛО, 2017.
- Михайловский-Данилевский 1845-1849** – Михайловский-Данилевский А. И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. СПб., 1845-1849. Т. 1-6.
- Михайловский-Данилевский 1839** – Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. 1-4.
- Михайловский-Данилевский 1936** – Михайловский-Данилевский А. И. Описание похода во Францию в 1814 году. Пб., 1836. Т. 1-2.
- Неелов 1939** – Неелов Н. Д. Опыт описания Бородинского сражения. М., 1839.
- О дозволении 1900** – О дозволении иностранцам присутствовать на Бородинских маневрах только с разрешения графа Бенкендорфа, 6 августа 1839 г. // Русская старина. 1900. Вып. 2. С. 414.
- Робишон 2012** – Робишон Ф. Жан-Шарль Ланглуа и русская кампания // Пинакотекa. 2002. № 13-14.
- Секиринский 2012** – Секиринский С. С. Формирование традиции празднования годовщин войны 1812-1814 годов // Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М.: Кучково поле, 2012. С. 225-242.
- Тартаковский 1980** – Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980.
- Толстой 1955** – Толстой Л. Н. Черновые варианты «Войны и мира» // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 15. М.: Художественная литература, 1955. С. 88; № 318а. С. 240.
- Толь 1939** – Толь К. Ф. Описание битвы при селе Бородине, 24-го и 26-го августа 1812 г. СПб.: А. Плюшар, 1839.
- Ульянова 2013** – Ульянова Г. Н. Юбилей Бородинской битвы и проблема трансформации исторической памяти: историография и периодизация // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы. М., 2013. С. 498-509.
- Шеин 2013** – Шеин И. А. Война 1812 года в отечественной историографии. М.: РОССПЭН, 2013.
- Bourseul 1874** – Bourseul E.Ch. Biographie du colonel Langlois. P., 1874.
- Chambray 1823** – Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P., 1823. Т. 1-2.

- Jean-Charles Langlois 2005** – Jean-Charles Langlois 1789-1870. Le spectacle de l'histoire. Musée des Beaux-Arts, Caen. Exhibition catalogue / F. Robichon. Paris; Caen, 2005.
- Kern 2014** – Kern E. Les commémorations de la réconciliation entre la France et la Russie (1812-2012). Saint-Denis: Edilivre, 2014.
- Le Constitutionnel 1837** – Le Constitutionnel. 1837. 22 Novembre. № 326.
- Lettre du 1912** – Lettre du colonel Langlois au baron Larrey sur la Bataille de la Moskowa, Saint-Himer, 3 octobre 1863 // Carnet de la Sabretache. 1912. P. 507-512.
- Pinet 1910** – Pinet G. Le colonel Langlois, peintre de panoramas militaires // Carnet de la sabretache. 1910. P. 609-626.
- Robichon 1983** – Robichon F. Langlois, soldat, peintre et panoramiste // Uniformes. 1983. № 71.
- Robichon 2000** – Robichon F. Le colonel Langlois 1789-1870: un peintre de l'épopée napoléonienne: collections de Musée Langlois. Caen; Paris, 2000.

References

- Boldina 1997** – Boldina E. G. Iz istorii Borodinskiikh torzhestv 1839 g. (po dokumentam Tsentral'nogo istoricheskogo arkhiva Moskvy) // Otechestvennaya voyna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy IV i V Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Borodino, 1995-1996 gg. Borodino, 1997. S. 190-197.
- Verigin 1885** – Verigin A. I. Otkrytie pamyatnika na Borodinskom pole v 1839 g. Iz vospominaniy ofitsera General'nogo shtaba // Russkaya starina. 1885. Vyp. 4. S. 135.
- Gorbunov 2012** – Gorbunov A. V. Borodinskie torzhestva 1839 i 1912 gg. kak obraztsy prazdnovaniya istoricheskikh yubileev v Rossiyskoy imperii // Otechestvennaya voyna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy XVII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Mozhaysk, 5-7 sentyabrya 2011 g. Mozhaysk, 2012. S. 153-161.
- Glinka 1839** – Glinka F. N. Ocherki Borodinskogo srazheniya. M., 1839.
- Ermakova 2015** – Ermakova N. V. 25-ya godovshchina okonchaniya kampaniy 1812-1814 gg. v publikatsiyakh 1839 g. // Borodino i osvoboditel'nyy pokhod russkoy armii 1813-1814 gg.: materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Borodino, 3-6 sentyabrya 2014 g. Borodino, 2015. S. 46-61.
- Zaydenschur 1966** – Zaydenschur E. E. «Voyna i mir» L.N. Tolstogo. M., 1966. S. 7-8, 346.
- Zemtsov 2013** – Zemtsov V. N. Zh.-Sh. Langlua i ego panorama «Bitva pri Moskve-reke» // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal Istoriya. 2013. № 1 (17).

- Zemtsov 2014** – Zemtsov V. N. Panorama Zh.Sh. Langlua «Bitva pri Moskve-reke»: Borodino glazami frantsuzov // Epokha napoleonovskikh voyn, lyudi, sobytiya, idei. Materialy XII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moskva, 25 aprelya 2013 g. M.: Izd-vo GBU «TsGA Moskvyy», 2014. S. 15-32.
- Kyustin 1996** – po Kyustin A., de. Rossiya v 1839 godu. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyykh, 1996. T. 2.
- Mil'china 2017** – Mil'china V. A. Frantsuzy «poleznye» i «vrednye»: nadzor za inostrantsami v Rossii pri Nikolae I. M.: NLO, 2017.
- Mikhaylovskiy-Danilevskiy 1845-1849** – Mikhaylovskiy-Danilevskiy A. I. Imperator Aleksandr I i ego spodvizhniki v 1812, 1813, 1814, 1815 godakh. SPb., 1845-1849. T. 1-6.
- Mikhaylovskiy-Danilevskiy 1839** – Mikhaylovskiy-Danilevskiy A. I. Opisaniye Otechestvennoy voyny v 1812 godu. SPb., 1839. Ch. 1-4.
- Mikhaylovskiy-Danilevskiy 1936** – Mikhaylovskiy-Danilevskiy A. I. Opisaniye pokhoda vo Frantsiyu v 1814 godu. Pb., 1836. T. 1-2.
- Neelov 1939** – Neelov N. D. Opyt opisaniya Borodinskogo srazheniya. M., 1839.
- O dozvolenii 1900** – O dozvolenii inostrantsam prisutstvovat' na Borodinskikh manevrakh tol'ko s razresheniya grafa Benkendorfa, 6 avgusta 1839 g. // Russkaya starina. 1900. Vyp. 2. S. 414.
- Robishon 2012** – Robishon F. Zhan-Sharl' Langlua i russkaya kompaniya // Pinakoteka. 2002. № 13-14.
- Sekirinskiy 2012** – Sekirinskiy S. S. Formirovaniye traditsii prazdnovaniya godovshchin voyny 1812-1814 godov // Otechestvennaya voyna 1812 goda v kul'turnoy pamyati Rossii. M.: Kuchkovo pole, 2012. S. 225-242.
- Tartakovskiy 1980** – Tartakovskiy A. G. 1812 god i russkaya memuaristika. Opyt istochnikovedcheskogo izucheniya. M.: Nauka, 1980.
- Tolstoy 1955** – Tolstoy L. N. Chernovye varianty «Voyny i mira» // Tolstoy L. N. Poln. sobr. soch. T. 15. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1955. S. 88; № 318a. S. 240.
- Tol' 1939** – Tol' K. F. Opianie bitvy pri sele Borodine, 24-go i 26-go avgusta 1812 g. SPb.: A. Plyushar, 1839.
- Ul'yanova 2013** – Ul'yanova G. N. Yubilei Borodinskoy bitvy i problema transformatsii istoricheskoy pamyati: istoriografiya i periodizatsiya // Epokha 1812 goda v sud'bakh Rossii i Evropy. M., 2013. S. 498-509.
- Shein 2013** – Shein I. A. Voyna 1812 goda v otechestvennoy istoriografii. M.: ROSSPEN, 2013.
- Bourseul 1874** – Bourseul E. Ch. Biographie du colonel Langlois. P., 1874.
- Chambray 1823** – Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P., 1823. T. 1-2.

- Jean-Charles Langlois 2005** – Jean-Charles Langlois 1789-1870. Le spectacle de l'histoire. Musée des Beaux-Arts, Caen. Exhibition catalogue / F. Robichon. Paris; Caen, 2005.
- Kern 2014** – Kern E. Les commémorations de la réconciliation entre la France et la Russie (1812-2012). Saint-Denis: Edilivre, 2014.
- Le Constitutionnel 1837** – Le Constitutionnel. 1837. 22 Novembre. № 326.
- Pinet 1910** – Pinet G. Le colonel Langlois, peintre de panoramas militaires // Carnet de la sabretache. 1910. P. 609-626.
- Robichon 1983** – Robichon F. Langlois, soldat, peintre et panoramiste // Uniformes. 1983. № 71.
- Robichon 2000** – Robichon F. Le colonel Langlois 1789-1870: un peintre de l'épopée napoléonienne: collections de Musée Langlois. Caen; Paris, 2000.

УДК 94(460).06:821.111-94
DOI 10.26170/vvi19-01-04
Код ВАК 07.00.03

Т.А. Косых

**ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В КРАСНЫХ МУНДИРАХ:
БРИТАНСКИЕ СОЛДАТЫ В МАДРИДЕ
(АВГУСТ–ОКТЯБРЬ 1812 Г.) ***

Статья посвящена восприятию Мадрида в дневниках, мемуарах и письмах британских солдат и офицеров в период пребывания подразделений армии Веллингтона в испанской столице. Рассматриваются проблемы взаимоотношений британцев и местных жителей, отдельные аспекты повседневной жизни британских солдат в Мадриде 1812 г.

Ключевые слова: наполеоновские войны, британская армия, пиренейские войны, военная история, диалог культур, взаимодействие культур, британские солдаты, дневники, мемуары, письма.

Tatiana A. Kosykh

**TRAVELLERS IN REDCOATS: BRITISH SOLDIERS IN MADRID
(AUGUST-OCTOBER 1812)**

The article is devoted to the perception of Madrid in diaries, memoirs and letters of British soldiers and officers in the period letters of British soldiers and officers during the stay of Wellington's Army in the Spanish capital. Deals with

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00226 «Распространение либеральных ценностей в регионах традиционной культуры периода Французской революции и Наполеоновских войн: методы и результаты»).